

БОЛЬШИЕ ЛЮДИ ЛЕОНИДА БРОНЕВОГО

Роли заслуженного артиста РСФСР Леонида Броневго вы можете читать, как увлекательные страницы романа, восторгаясь тонким и хитрым письмом. Сквозь поток общих фраз — артист любит простую, деловую форму общения — все время высвечивает он главные внутренние события в жизни своего героя, его боль, его радость, его жизнь...

Капулетти («Ромео и Джульетта»), Блохин («Сказки старого Арбата» Арбузова), Аркадий («Платон Кречет» А. Корнейчука), Савицкий («Уйти, чтобы остаться» Штермлера), Клапачек из комедии О. Данека «Свадьба брачного афериста» и Рахума из «Золотой кареты» Л. Леонова. Броневгой выступает в них как актер неожиданных и резких контрастов, во всей необузданной стихии своего творчества.

Сегодня хочется поговорить о двух лучших, по характеру противоположных, работах — Капулетти и Блохине.

Капулетти Броневго один из советских шекспироведов назвал «научным открытием». Это поэтический стукот и брожение какого-то матерого вещества, где игра и оценка слиты воедино. Образ зла и протеста против зла актер дает одновременно, чуть ли не впервые изображая Капулетти не чистокровным злодеем, — показывает трагедию домашнего царька, отмеченную «всемирно-историческим заблуждением».

Броневгой вылепил пластически совершенный внешний образ. У отца Джульетты пропитанные змеиным ядом и очень подвижные холщевые тела, владение и самолюбование ими — вдохновенно. Гордый овал головы намертво вобрала в себя основательные, грубые плечи. В сцене на балу Капулетти-тирана выдают неживые — протезированные руки в белых перчатках, руки палача.

В сцене оплакивания усыпленной Джульетты он ведет философскую партию. Он играет каждую мелочь в общем и целом, делает многосторонние попытки оценки образа. Трагизм Капулетти-человека он передает через простые и конкретные вещи. Вот «смерть» дочери оглушила его, вот выпустила из него весь прежний дух, вот напаялила на него маску страдальца — актер достигает колоссального обобщения, поэтического властвования над образом. В этой сцене он как бы отодвигает от Капулетти на различные расстояния установленность, косную общественную норму, чтобы показать, что они с ним сделали.

Броневому свойствен размах, широта определений, увесистый укрупненный жест, категоричность отношения к своему герою. Он не любит, выражаясь языком техники, допусков. Стоит только ему показаться в двух-трех мизансценах, как вам уже хочется смотреть его вновь.

Любимая роль Броневго — обыкновенный человек нашей, советской эпохи, нравственную величину которого он никогда не рассматривает, исходя из дешевой, неглубокой пропорции. Актер подчеркивает: Савицкому, чтобы стать Савицким, Рахуме, чтобы превратиться в Рахума, нужно было пройти, испытать и вынести целую жизнь.

Л. Броневгой — Блохин — мягкий, тихий, спокойный, освещенный глубоким и ровным внутренним светом. Несколько неловкий, он вечно находится в стороне, в тени, не желая занимать лишнего места. Но этот «маленький человек», не желающий повышать голоса, — тот, без кого одичал бы его друг Баясников и опустили бы его руки. Никогда он не сокрушается о том, что чего-то недополучил от жизни, никогда не поведет разговора о своей драме, скрытой за чуть притухшим тоном его жизни. Он только и жил тем, что отдавал себя людям.

Блохин Броневго — весь как музыкальная пауза, тонкий лирический шарж. Комизм этого «сосредоточивающегося» старика по своей силе может быть сравнен лишь с доброй улыбкой. Он не только принимает участие в судьбе окружающих, но и несет в себе мудрый протест против улиточного эгоизма обоих Баясниковых. Дородушие таланта актера более всего проявилось в сцене, где Блохин увещивает Баясникова и пытается открыть ему глаза в миг поздней смуты, показывая, как он близорук в своем отношении к жизни, как бездарна его непомерная любовь к себе.

Актер трезвого, аналитичного перевоплощения, Броневгой хочет передать на сцене бытие живой мысли современного человека, и в этом ему помогает ирония, основной художественный прием актера. Как он сам говорит, это степень его эмоциональной оценки героя, обеспечивающая ему постоянную напряженность зрительского внимания, стремительность и подлинность своей актерской реакции.

В каждом характере Броневгой открывает потаенные уголки, никем не прочитанные в полную мощь строчки, беспощадно подводит жизненный итог. А если он отдает своему герою душу, то безо всякой оглядки и весь живет в теплом, сочувственном отношении к нему. Играя же отрицательные роли, Броневгой поступает не менее гуманно, оставляя надежду на исправление. Поэтому его герои и вырываются, каждый в меру своей человечности, из привычного круга. Артист петется о достоинстве человека.

В. КОЛЯЗИН.